

РАЗГОВОР О ТОПОНИМАХ: «СВОИ» В ГОРОДЕ

Н.В. Васильева

Институт языкознания РАН
vasileva-natalia@iling-ran.ru

«...на всех московских есть особый отпечаток»
Александр С. Грибоедов

«...формы дискурса столь же разнообразны,
как и формы самой человеческой жизни»
Андрей А. Кибрик

Хорошо известно, что в каждом городе, помимо официальных названий улиц и других объектов городского пространства, существуют названия, распространенные исключительно в устной речи горожан. Для таких номинаций обычно используется термин **неофициальные топонимы**. Интерес к неофициальным топонимам в настоящее время наблюдается не только у лингвистов, но и у географов, работающих в области культурной и гуманитарной географии. Анализ публикаций показывает, что исследователи-ономасты и исследователи-географы, занимаясь по существу одним объектом, работают автономно. Бесспорно, это связано с методологией каждой из наук. Тем не менее, представляется возможным (и даже плодотворным) соединить два этих подхода — собственно ономастический и культурно-географический — и рассмотреть неофициальные городские топонимы, используя в качестве интегрирующего параметра признак **формальности/свойскости**, о котором писал А.А. Кибрик (2009), выделяя его в качестве одного из таксономических параметров дискурса. Это и является целью данной статьи.

Топонимический материал, который мы далее рассмотрим, связан с признаком формальность/свойскость самым непосредственным образом; и прежде чем описывать топоним как языковой знак в «своем» городском пространстве, обратимся к полезному для ономастики понятию **вернакулярного района**, который используется в географии¹ и определяется как «тип географического района, бытующий в обыденном сознании общества или его части в виде образа определенной территории, обладающей названием и специфиче-

---

¹ Ср. лингвистический термин *вернакуляр* как обозначение местной речи, идиома, используемого для повседневных контактов (< лат. *vernaculus* ‘родной’, ‘местный’).

скими качествами. Лишь в редких случаях границы вернакулярного района совпадают с административными, потому что вернакулярный район, как правило, складывается стихийно в ходе культурной истории общества» (Смирнягин 2013: 35). В типологии районов, разработанной для культурной (гуманитарной) географии, вернакулярные районы, наряду с районами мифологическими (ср. *Беловодье* у русских старообрядцев), составляют категорию **ментальных районов**, в противоположность районам реальным, ср. Калущков 2013. Существовая в общественном сознании, вернакулярные районы наполнены для человека не только территориальным, но и социальным смыслом. Первоначально в качестве вернакулярных исследователями рассматривались большие районы, например, *Русский Север*. Затем внимание географов переместилось на меньшие места, в том числе и на города. Как и названия больших вернакулярных районов, названия вернакулярных городских мест соотнесены с понятием **ментальных карт**. «Выделять и описывать такие районы принято при помощи ментальных карт, отличительная черта которых — наличие собственной локальной топонимии, понятной только местным жителям и иногда их непосредственным соседям» (Павлюк 2017: 33). Идентичность ментальной карты является условием «своего» сообщества, а правильное употребление и понимание (идентификация) топонима — языковым критерием прохождения теста на «свой-чужой». Лингвистический подход к неофициальным топонимам отличается от культурно-географического бóльшим вниманием к словообразовательным и семантическим процессам, сопровождающим возникновение неофициального топонима.

Одним из первых вопросов, возникающих у исследователей подобных наименований, является вопрос о категоризации объектов номинации. Какие объекты в городе способны получать — и в итоге получают — неофициальные имена? Параметрами таких объектов должна быть их включенность в повседневную жизнь и их выделенность в локальном городском пространстве. Они служат **ориентирами**, с помощью которых житель определенной территории, как пишет С.Г. Павлюк (2017: 34) со ссылкой на работы одного из основоположников гуманитарной географии и автора концепции **топофилии** И-Фу Туана, превращает пространство в **место** (топос), «наполняя его смыслом». Такими объектами, значимыми для городской повседневности, являются магазины, торговые центры и предприятия обслуживания; дома, группы домов; памятники; дворы, детские площадки; линейные объекты и площади; станции метро; районы и микрорайоны города. Такие объекты получают неофициальные названия, которые являются по сути названиями «для своих». Их употребление в речи сродни паролю, знаку «я свой». Незнающий номинации-пароля легко может быть опознан как неместный, «чужой» и соответственно стигматизирован.

Для корректной интерпретации локального топонима необходимо знание местных особенностей, как топографических, так и связанных с историей места. Приведу примеры локальной топонимии города Жуковского, которую я наблюдаю и собираю уже много лет (Vasil'eva 2012). Из названий магазинов (до появления супермаркетов): *Средний* (находился между двумя другими); *Ни рыба, ни мясо* (название появилось в период дефицита продуктовых товаров). Названия кварталов, микрорайонов и домов: *Три сестры* — группа из трех одинаковых домов; *За Родиной* — квартал за кинотеатром «Родина», *Живые и мертвые* — район города, построенный недалеко от кладбища, *За самолетом* — микрорайон, расположенный за установленным в качестве памятника истребителем МиГ-21. Приведенные примеры демонстрируют различные стратегии и тактики номинации — от прямой номинации, указывающей только на местоположение объекта, до образной, при которой включаются фоновые и культурные знания носителей языка. Можно говорить в этой связи о **маркированности/немаркированности** неофициальной номинации. Маркированность понимается в данном случае близко к тому, как она трактуется в стилистике, а именно: выделенность номинации в ряду категориально схожих (или выпадение ее из ряда схожих). Следует отметить, что понятие маркированности неофициального топонима неизбежно будет содержать субъективный компонент, связанный с различной способностью языковой личности к лингвистической рефлексии. В целом думается, что яркие примеры локальных топонимов могут привести жители любого города. Неслучайно поэтому темы, связанные с неофициальными топонимами, популярны в вузах в качестве тем бакалаврских работ.

Возвращаясь к маркированным формам, отметим такое явление, как семантико-грамматическую деформацию высказывания с участием топонима, приводящую к алогизму. Отдельно употребленное наименование может быть нейтральным. Например, *Алёша* — неофициальное название скульптуры «Металлург» в г. Орёл. *Алёшей* эту скульптуру жители города называли из-за некогда популярной песни, в которой были слова ⟨...⟩ *стоит над горою Алёша* (Костромичева 2009: 3). Наличие городских транспортных линий, проходящих мимо памятника, вызвало к жизни фразы такого типа: *Остановите на Алёше*, *Автобус идет через Алёшу*. Понятно, что местные жители употребляют эти высказывания автоматически, при этом ни у кого не возникает непонимания или сомнения в логичности фразы. Однако если попытаться осмыслить эти фразы с точки зрения не «своего», а «другого», то преодолеть получившийся алогизм можно только «перекатегоризировав» *Алёшу* из артефакта (скульптура) в топос (место), ср. *остановиться на углу улицы, автобус идет через площадь*.

Другой пример высказывания-алогизма относится к московской локальной топонимии. Многие станции московского метро уже давно имеют парал-

тельные неофициальные названия, особенно в молодежном сленге ср. станция метро *Котельники* → *Котлы*, *Текстильщики* → *Текстиля*, *Мякинино* → *Мякиши* и пр.² Станция метро *Китай-город*, которая до 1990 г. называлась *Площадь Ногина* в честь революционера В.П. Ногина, в речи некоторой части москвичей именовалась *Нога*. Бюст Ногина в виде большой головы сохранился в одном из вестибюлей станции. Отсюда фраза *Встретимся на Ноге у Головы*, которую представители не очень молодого поколения понимают однозначно, несмотря на кажущийся конфликт соматизмов *нога* и *голова*, ср. *А поверите ли вы, / что и так бывает?! На ноге, у головы /стрелки забивают* (<https://stihi.ru/2009/03/12/2435>). В настоящее время фраза *на Ноге у Головы* относится к числу московских топографических мемов, устаревающих или уже совсем устаревших.

В заключение остановимся очень кратко на вопросе о классификациях в сфере локальной топонимии, предлагаемые как ономастами, так и географами. Для классификации важно основание — признак/параметр, по которому классификация производится. На сдвоенном признаке «форма топонима + соотношение с официальным топонимом» построена ономастическая классификация в работе Siegfried 2017, которая представляется нам наиболее цельной. Исследовательница выделяет неофициальные топонимы, которые являются 1) сокращениями от официальных, 2) подражательными формами (*Beverley Holz*, ср. *Beverley Hills*), 3) существующими параллельно с официальными, 4) существующими самостоятельно, т. е. независимо от официальных. Более дробная классификация содержится в работе Голикова 2014, выполненной на материале неофициальных названий улиц (годонимов) Москвы. Получение объектом неофициального наименования автор рассматривает как процесс **трансонимизации**, т. е. переименования, и выделяет восемь моделей неофициальных переименований, обусловленных как историей места и внешним видом объекта, так и словесной формой, которую имеет официальный топоним и которая модифицируется в неофициальном названии (сокращается, метафоризируется и пр.).

Классификации, предлагаемые географами, отличаются наличием параметров частоты употребления топонима, среды распространения, ср. *широко распространенные*, *ограниченно распространенные* и *специализированные топонимы* в классификации С. Г. Павлюка (2017), а также выделением и характеристикой социальных функций локальных топонимов, поскольку «локальный топоним — один из индикаторов перцепции пространства, формирования пространственной самоорганизации общества и чувства места»

---

² Ср. различные «народные схемы метро», например, <https://www.kp.ru/putevoditel/moskva/narodnaya-karta-metro/>

(Павлюк 2017: 41). Таким образом, классификации локальных топонимов, которые приводятся как в ономастических, так и в географических исследованиях, является взаимодополняющими и взаимокорректирующими — в лингвистической (для географов) и в географической (для лингвистов) частях, что, бесспорно, свидетельствует о полезности их объединения.

Л и т е р а т у р а

- Голикова Т.А. 2014. Официальные vs. неофициальные годонимы Москвы: модели трансонимизации. *Научный диалог*, т. 9, № 33, 24–36.
- Калуцков В.Н. 2013. О типах районов в культурной географии. *Культурная и гуманитарная география*, т. 2, № 1, 3–9.
- Кибрик А.А. 2009. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. *Вопросы языкознания*, № 2, 3–21.
- Костромичева М.В. 2009. *Орловский региональный социолект: материалы к словарю*. Орел: ОГУ.
- Павлюк С.Г. 2017. Городская локальная топонимия как индикатор пространственной самоорганизации общества. *Городские исследования и практики*, т. 2, № 2, 33–42.
- Смирнягин Л.В. 2013. Вернакулярный район. В кн.: *Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник*. Смоленск: Ойкумена, 35–36.
- Siegfried I. 2017. Inoffizielle Ortsnamen. *Namenkundliche Informationen*, n. 109/110, 538–547.
- Vasil'eva N. 2012. Portrait einer russischen Stadt im Spiegel von Institutionen. In: D. Kremer, D. Kremer (eds.). *Die Stadt und ihre Namen, v. 1*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag GmbH, 271–284.